

Компетенция судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии и вопросы к эксперту

А.П. Детков¹, Ф.К. Свободный²

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

² Алтайская академия экономики и права (Барнаул, Россия)

The Competence of Judicial Psychological Examination of the Individual Awareness of the Event under Investigation and Questions to the Expert

A.P. Detkov¹, F.K. Svobodny²

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

² Altai Academy of Economics and Law (Barnaul, Russia)

Рассматриваются пределы компетенции судебной психологической экспертизы в целом и отдельно такого ее вида, как судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии. Анализируются и соотносятся воззрения ученых на определение пределов компетенции судебной психологической экспертизы. Сравняются имеющиеся в науке определения компетенции судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа.

Подчеркивается, что экспертиза с использованием полиграфа направлена на диагностику информированности подэкспертного о деталях расследуемого события. Очерчиваются пределы компетенции судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии.

Доказывается, что судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии не компетентна решать любые вопросы, имеющие правовой характер. Определяется, что в компетенцию судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии входит установление фактических данных о наличии или отсутствии у подэкспертного лица информации о деталях и обстоятельствах расследуемого события, о конкретном содержании этой информации, а также о месте, времени и источниках получения этой информации.

Предлагается авторская формулировка вопросов к эксперту, производящему судебную экспертизу информированности личности о расследуемом событии.

Ключевые слова: полиграф, компетенция судебной психологической экспертизы информированности личности, вопросы к эксперту.

DOI 10.14258/izvasu(2016)3-10

The article considers the limits of competence of judicial psychological examination, in general, and in particular, forensic psychological examination of individual awareness of the event under Investigation. Analysis is given and the correlation is made of the scientific views on the definition of the limits of the competence of judicial psychological examination. The comparison is made of the available definitions of the competence of judicial psychological examination with use of a polygraph. It is emphasized that examination with use of a polygraph is directed at the diagnostics of the examinee's awareness of the details of the event under investigation. The article sets the limits of the competence of judicial psychological examination of the individual awareness of the event under investigation..

It is proved that judicial psychological examination of the individual awareness of the event under investigation is not competent to resolve issues of legal character. It is defined that judicial psychological examination of the individual awareness of the event under investigation includes establishing of the factual data on the examinee's awareness on the details and circumstances of the event under investigation, of the specific content of the information, and of the place, time and the source of the receiving of the information.

The authors formulate questions to the expert carrying out forensic examination of the individual awareness of the event under study.

Key words: a polygraph, competence of judicial psychological examination of knowledge of the personality, questions to the expert.

Вопросы компетенции судебной психологической экспертизы (СПЭ) занимают важное место среди теоретических и прикладных проблем ее производства. Целью данной работы является определение пределов компетенции судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии.

В исследовании использованы методы анализа научной литературы и логического рассуждения.

Компетенция в общем виде определяется как «круг полномочий, область подлежащих чьему-нибудь ведению вопросов, явлений» [1].

Авторы, исследующие вопросы теории и практики судебных экспертиз, часто ограничивают пределы ее компетенции исходя из соответствующей научной области знаний.

Например, В.В. Романов считает, что «в компетенцию СПЭ входит исследование различных проявлений психики, психических процессов, эмоциональных состояний, индивидуально-психологических особенностей психически здоровых лиц» [2, с. 437].

М.М. Коченов, справедливо отмечая, что «компетенция СПЭ определяется содержанием психологической науки», полагает, что в компетенцию СПЭ входит «установление любых фактических данных, характеризующих психику субъекта, процессы отражения им объективной реальности, поддающиеся психологической экспертной оценке» [3, с. 7].

С вышеуказанными авторами солидарна и О.Д. Ситковская, которая считает, что «теоретически к компетенции судебно-психологической экспертизы могут быть отнесены любые вопросы психологического содержания (особенности психической деятельности, личностные особенности, психические состояния обвиняемых, потерпевших, свидетелей), значимые для доказывания или имеющие непосредственно уголовно релевантное значение, если их решение требует использования специальных профессиональных познаний в области научной психологии» [4, с. 98].

Кроме ограничений, обусловленных содержанием психологической науки, пределы компетенции СПЭ определяются и требованиями закона.

Например, согласно ч. 3 ст. 57 УПК РФ любой эксперт вправе давать заключение лишь в пределах своей компетенции и должен отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы его специальных знаний [5].

Во всех видах судебно-экспертных исследований (за исключением собственно правовой экспертизы) решение экспертом вопросов правового характера воспринимается как выход за пределы компетенции судебной экспертизы.

Решение правовых вопросов (например, о виновности или невиновности лица, о вменяемости или невменяемости лица, о квалификации преступления,

ложности или правдивости показаний и т. д.) является компетенцией судебно-следственных органов. Эксперт не вправе вдаваться в решение вопросов правового характера: об этом часто говорилось в юридической литературе и напрямую указывалось в процессуальной практике.

Вышеобозначенные требования распространяются и на пределы компетенции СПЭ. Так, Ф.С. Сафуанов исключает из компетенции СПЭ «явления, ...относящиеся к компетенции органа, ведущего производство по делу», в том числе и оценку «достоверности показаний» [6, с. 43].

Аналогичного мнения придерживается и О.А. Назаров. Определяя пределы компетенции эксперта при производстве СПЭ с использованием полиграфа, он прямо указывает, что «формулирование вывода о существовании события либо отдельных обстоятельств преступления, о виновности либо невиновности лица, его причастности либо непричастности к преступлению, правдивости либо ложности его показаний в компетенцию судебного эксперта психолога (полиграфолога) не входит» [7].

Соглашаясь с позицией О.А. Назарова относительно пределов компетенции СПЭ с использованием полиграфа, авторы настоящей статьи считают некорректным предлагаемое им название экспертизы.

В процессе производства СПЭ эксперт применяет различные методы и методики (в том числе аппаратные), однако никому не приходит в голову называть определенные виды экспертиз с учетом используемых при их производстве методов, методик, приборов, инструментов и т. д. Наверняка у специалистов вызовут улыбку такие названия, как «СПЭ с использованием беседы», «СПЭ с использованием ТАТ (тематического апперцепционного теста)» и т. п. Очевидно, что название экспертизы должно формулироваться согласованно с предметом данной экспертизы, с задачами, которые ставятся перед экспертом и решаются в ходе производства экспертизы, с выводами эксперта, основанными на результатах экспертного исследования.

Многие исследователи, занимающиеся вопросами судебной экспертизы с использованием полиграфа, связывают ее предмет, задачи и выводы с информированностью подэкспертного о расследуемом событии.

Так, О.А. Назаров указывает, что в компетенцию полиграфолога входит формулирование вывода «о степени информированности обследуемого лица о событии или его деталях, интересующих инициатора экспертизы» [7].

Ю.И. Холодный и Ю.К. Орлов, указывая, что «эксперт-полиграфолог ... действует в жестких рамках процессуальных норм и обязан выносить свои суждения в диапазоне предоставленных ему полномочий», настаивают, что основная «задача эксперта-полиграфолога — установить, какая информация (о расследу-

мом события. — курсив наш) содержится в памяти человека» [8, с. 83–88].

С.С. Шипшин полагает, что психофизиологическая экспертиза направлена на установление «наличия юридически значимой информации в памяти процессуального лица (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого)» [9].

G. Ben-Shakhar, E. Meijer [10] и A. Budahazi [11, с. 167] также подчеркивают, что исследования и экспертизы с использованием полиграфа нацелены на определение достоверности сообщаемых лицом сведений (информации) о преступлении.

Авторы данной работы считают, что основным предметом экспертизы с использованием полиграфа является исследование качественных и количественных характеристик информированности личности о расследуемом событии, а именно установление фактических данных о наличии или отсутствии у подэкспертного информации о деталях и обстоятельствах расследуемого события; о конкретном содержании этой информации; о месте, времени и источниках получения подэкспертным первой информации о конкретных обстоятельствах расследуемого события.

В связи с вышесказанным авторы данной статьи полагают, что экспертизу с использованием полиграфа корректнее было бы назвать судебной психологической экспертизой информированности личности о расследуемом событии (СПЭИЛ).

О понятии «информированность личности о расследуемом событии», а также о сущности, предмете, объектах и методах СПЭИЛ авторы уже имели возможность рассказать на страницах журнала «Известия Алтайского государственного университета» [12, с. 32–36].

Основываясь на пределах компетенции СПЭ, задаваемых, во-первых, предметным содержанием психологических исследований и, во-вторых, юридическими требованиями, можно определить и компетенцию СПЭИЛ.

В компетенцию СПЭИЛ входит круг вопросов, связанных с определением особенностей информированности подэкспертного лица об обстоятельствах расследуемого преступления.

СПЭИЛ не компетентна решать вопросы правового характера (о правдивости или ложности показаний; о наличии либо отсутствии самого расследуемого события или его отдельных обстоятельств; о действиях подэкспертного в момент преступления и т. д.). По результатам СПЭИЛ эксперт не компетентен ответить, например, на такой правовой вопрос: «Наносил ли подэкспертный удары потерпевшему?». В данном случае с помощью СПЭИЛ эксперт может установить, что подэкспертному известно, к примеру, о том, сколько всего человек наносили удары потерпевшему, в какие части тела и в каком количестве были нанесены удары, каким орудием (предметом) наносились уда-

ры, в каком положении тела находился потерпевший в момент нанесения первого (или последнего) удара и т. д. Только на этих, установленных с помощью экспертного исследования данных эксперт вправе формулировать свои выводы.

Вывод о том, является подэкспертный свидетелем преступления или его исполнителем, может быть решен только судом исходя из совокупности имеющихся доказательств по данному делу.

Конкретизируя «круг полномочий» СПЭИЛ, авторы данной статьи полагают, что в ее компетенцию входит последовательное решение следующих вопросов:

1. Обнаруживаются ли у подэкспертного устойчивые и выраженные вегетативные (а также вербальные, двигательные и иные доступные объективной регистрации) реакции при предъявлении ему раздражителей (стимулов), содержащих информацию о конкретных обстоятельствах расследуемого события?

2. Являются ли раздражители (стимулы), содержащие информацию о конкретных обстоятельствах расследуемого события, субъективно значимыми для подэкспертного?

3. Чем может быть обусловлена субъективная значимость для подэкспертного раздражителей (стимулов), содержащих информацию о конкретных обстоятельствах расследуемого события?

4. Является ли субъективная значимость для подэкспертного раздражителей (стимулов), содержащих информацию о конкретных обстоятельствах расследуемого события, следствием того, что подэкспертный обладает информацией о конкретных обстоятельствах расследуемого события?

5. О каких (конкретно) обстоятельствах расследуемого события подэкспертный обладает информацией на самом деле?

6. Что явилось для подэкспертного первым источником информации о конкретных обстоятельствах расследуемого события?

7. Когда подэкспертным впервые была получена информация о конкретных обстоятельствах расследуемого события?

Обозначенные выше пределы компетенции СПЭИЛ должны учитываться в процессе вынесения постановления о назначении СПЭИЛ при формулировании вопросов к эксперту.

По мнению авторов настоящей работы, в общем виде вопросы к эксперту в постановлении о назначении СПЭИЛ могут быть сформулированы следующим образом:

1. Обладает ли подэкспертный информацией об обстоятельствах (деталях) расследуемого события (указываются фактические, объективно установленные признаки расследуемого события)?

2. Какой на самом деле информацией об обстоятельствах расследуемого события обладает подэкспертный?

3. Когда и из каких источников подэкспертным была впервые получена вышеуказанная информация об обстоятельствах расследуемого события?

Именно такая постановка вопросов позволит избежать негативных последствий выхода эксперта за пределы компетенции СПЭИЛ.

В заключение сделаем общие выводы. СПЭИЛ не компетентна решать вопросы правового характера. В компетенцию СПЭИЛ входит определение особенностей информированности подэкспертного лица об обстоятельствах расследуемого преступле-

ния, а именно установление фактические данных о наличии или отсутствии у подэкспертного информации о деталях и обстоятельствах расследуемого события, о конкретном содержании этой информации, а также о месте, времени и источниках получения подэкспертным первой информации о конкретных обстоятельствах расследуемого события. Указанные особенности компетенции СПЭИЛ должны учитываться при формулировании вопросов к эксперту в постановлении о назначении данного вида судебной экспертизы.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь современного русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова) [Электронный ресурс]. — URL: <http://tolkslovar.ru/k7341.html>.

2. Романов В.В. Юридическая психология. — М., 2004.

3. Конищева Л.П., Коченов М.М., Ситковская О.Д. Новые направления судебно-психологической экспертизы. — М., 2000.

4. Ситковская О.Д. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. — М., 2003.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. — М., 2016.

6. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. — М., 1998.

7. Назаров О.А. Компетенция судебного эксперта психолога (полиграфолога) при проведении психологической экспертизы с использованием полиграфа [Электронный ресурс]. — URL: <http://expert-nazarov.com/vidi-expertizi-2/14-poligraph-ekspertiza/64-kompetentsiya-sudebnogo-eksperta-psikhologa-poligrafologa-pri-provedenii-psikhologicheskoy-ekspertizy-s-ispolzovaniem-poligrafa>.

8. Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: пробле-

ма допустимости // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2009. — № 12.

9. Шипшин С.С. К вопросу о предмете и объекте комплексной психолого-психофизиологической экспертизы // Психологическая наука и образование. — 2013. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65749.shtml.

10. Ben-Shakhar G., Meijer E. Conceptual and Methodological Considerations in Current Research on (Psychophysiological) Detection of Deception // International Journal of Psychophysiology. — 2012. — Vol. 85, Is. 3.

11. Budahazi A. Conditions and Requirements of Polygraph Examination // European Polygraph. — 2012. — Vol. 6, № 3 (21).

12. Детков А.П., Свободный Ф.К. Определение предмета, объектов и компетенции судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии // Известия Алтайского государственного университета. — 2015. — № 2/2. DOI:10.14258/izvasu(2015)2.2-05.